А.Е. Махов

ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ «LITERATURGESCHICHTEN» К «НАУКЕ О ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ. Ч. 1: РОЖДЕНИЕ «LITERATURGESCHICHTE» И ЕЕ УСТРОЙСТВО; Ч. 2: ВНЕЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНСТАНЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Книга Эрнста Роберта Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» соотнесена в статье с жанром «истории национальной поэзии», который был одним из ведущих в немецкой филологии XIX в. В этом контексте книга Курциуса предстает разрешением кризиса, к которому привело культивирование национального подхода к литературе. Курциус продуктивно инвертирует все принципы данного подхода, заменяя национализм европеизмом, стадиальность – континуальностью, свойственный «Literaturgeschichten» акцент на содержании – преимущественным вниманием к аспектам формы; в целом история литературы получает новую жизнь в «исторической топике». Из негативной реакции на установки национально ориентированной германистики и рождается создаваемая Курциусом «наука о европейской литературе».

Ключевые слова: Георг Гервинус; Йозеф фон Эйхендорф; Вильгельм Шерер; Эрнст Роберт Курциус; история национальной поэзии; наука о европейской литературе; историческая топика.

Makhov A.E. **From the national «Literaturgeschichten» to «the science of European literature»: an episode out of the**

© Махов А.Е., 2020 DOI: 10.31249/litzhur/2020.47.06

history of German philology. P. 1: The origin of «Literaturgeschichte» and its structure; P. 2: The extraliteral components of the history of literature

Summary. Ernst Robert Curtius's book «European Literature and the Latin Middle Ages» is put in correlation with the «history of national poetry», which was one of the leading genres in 19th-century German philology. In this context, Curtius's book appears to be a solution of the crisis caused by the cultivation of a national approach to literature. Curtius productively inverts all the principles of this approach, replacing nationalism with Europeanism, stadiality with continuity, emphasis on content with primary attention to the aspects of form; in general, the history of literature gets a new life in a «historical topics». The «science of European literature» created by Curtius is born from a negative reaction to the attitudes of nationally oriented Germanistics.

Keywords: Georg Gervinus; Joseph von Eichenforff; Wilhelm Scherer; Ernst Robert Curtius; history of national poetry; science of European literature; historical topics.

Связь книги Эрнста Роберта Курциуса с практикой «Literaturgeschichte», столь популярной в XIX в., далеко не очевидна, да и само выявление этой связи может показаться лишенным всякой актуальности. Уже в немецкой филологии второй половины XX в. жанр истории национальной литературы воспринимался как устаревший и окончательно дискредитировавший себя. Мнение, которое высказывает о нем Ханс Роберт Яусс, звучит наподобие приговора: «История литературы пользуется сегодня чаще всего дурной славой, причем вполне заслуженно. Последние полтора столетия истории этой почтенной дисциплины свидетельствуют о неуклонной деградации. Все ее взлеты и вершины целиком относятся к XIX в. <…> Патриархи дисциплины видели свою высшую цель в том, чтобы представить историю литературных произведений как путь самопознания идеи национальной индивидуальности. Сегодня эти вершины стали далеким воспоминанием. Положение традиционной истории литературы в духовной жизни нашей современности весьма плачевно» [Яусс 1995: 39]. Юрген Форман, проследивший развитие немецкой «историографии поэзии» от ее возникновения в эпоху гуманизма и до эпохи германской империи включительно, определяет финальную стадию

этой литературоведческой практики как «крах», «Scheitern», что видно уже из заглавия его монографии [Fohrmann 1989].

Ниже мы коснемся причин столь уничижительной оценки жанра. Пока лишь отметим, что феномен «Literaturgeschichte» можно осмыслить в более широком, нежели было принято, контексте, включающем и немецкую филологию XX в. На наш взгляд, такое расширение контекста позволяет иначе понять финальный этап эволюции жанра: он предстает уже не «крахом», но скорее кризисом, который находит продуктивное разрешение в создании Курциусом принципиально новой «науки о европейской литературе». Проект такой науки набрасывали уже романтики, которые, однако, мыслили европейскую литературу просто как сумму национальных литератур. Фридрих Шлегель в лекциях по истории «европейской литературы» трактует ее как «связное целое, где все ветви тесно сплетены между собой» [Шлегель 1983 а: 36], – однако это целостное виденье остается лишь проектом: Шлегель не находит точки зрения, позволяющей обосновать эту целостность, и далее переходит к традиционному обзору литератур по нациям. Но и весь позднейший – постромантический – проект «Literaturgeschichte» был основан на концепте нации, который в конце концов вошел в резкое противоречие с найденной уже романтиками идеей европеизма; выход из этого противоречия был дан в книге Курциуса.

1. Рождение «Literaturgeschichte» и ее устройство

История национальных литератур – первая форма, в которой проявляет себя собственно литературоведение как наука, отделившая себя от традиционной нормативный поэтики; при этом само понятие истории литературы возникает раньше, чем понятие «литературоведение» (Literaturwissenschaft), утверждающееся в немецкой филологии лишь с 1880-х годов[1], но еще у Курциуса, в 1940-е годы, оцениваемое негативно: «Филология относится к нему (литературоведению. – *А. М.*) неприязненно», «современное литературоведение – т.е. литературоведение последнего пятидесятилетия – фантом» [Curtius 1973: 21, 22].

[1] См. об истории термина [Weimar 1989].

Для того чтобы история именно художественной литературы, «поэзии» (а не словесности в целом) стала осознавать себя как особая наука, были необходимы, по крайней мере, три предпосылки. Первая из них состоит в том, что история поэзии должна была выделиться из общей «historia literaria» – истории всякой «письменной», прежде всего ученой, деятельности. Истории учености создавались в Германии на протяжении XVIII в.; их авторы нередко были полигисторами, совмещали разные научные специальности. Таковы иенский профессор, полигистор Готлиб Штолле, который впервые [Żbikowska-Migoń 1994: 42] перевел термин «historia literaria» на немецкий как «история учености (Historie der Gelahrtheit)» [Stolle 1718]; историк, географ и статистик Людвиг Адольф Бауман [Baumann 1762]; историк, лексикограф, искусствовед Иоганн Георг Мойзель [Meusel 1799]. Подобные истории учености могли носить название «Litterärgeschichte» – «история словесности»; это именование использовали, в частности, ученые Гёттингенского университета [Turner 2014: 161–164]. Историк Иоганн Готфрид Айхгорн, написавший такую «Litterärgeschichte» в 1799 г., в предисловии к ней определил этот жанр как «повествование о происхождении и основных достижениях учености всех видов» [Eichhorn 1812: 1].

Специализация жанра – сужение его предмета до собственно «поэзии» – также связана с университетом Гёттингена. И.Г. Айхгорн привлек к участию в монументальном проекте «Истории искусств и наук со времени их возрождения и до конца XVIII века» профессора того же университета Фридриха Боутервека. Для этого проекта тот написал «Историю поэзии и красноречия с конца XIII века» [Bouterwek 1801]. Уже из названия видно, что работа отходит от гёттингенской традиции «Litterärgeschichte», имеющей своим предметом всю «письменность» вообще: Боутервек выделяет в качестве особого предмета исторического описания поэзию, пока еще, правда, не отделенную от красноречия, и тем самым вплотную подходит к созданию жанра истории художественной литературы. Впрочем, традиция включать в литературную историю наряду с собственно художественной литературой материал из самых разнообразных отраслей знания сохраняется по крайней мере до середины XIX в. Показательна в этом смысле «Литературная история восемнадцатого века» (1856–1870) Германа Гетнера, где история

литературы истолкована в позитивистском духе как «история идей и их научных и художественных форм» [Hettner 1856–1870; предисловие к 1-му тому], а привлекаемый Гетнером материал включает философию, теологию, естествознание в его культурно-историческом значении, экономические и политические учения, музыку, архитектуру и изобразительные искусства, общественную жизнь (влияние салонов на литературу) и даже фортификацию (глава о Вобане).

Вторая предпосылка для создания «научной» истории художественной литературы – переосмысление места самой истории в общей систематике наук. История, которую еще Аристотель поставил ниже даже поэзии, видя в ней науку, трактующую «единичное», на протяжении всего XVIII в. рассматривалась как вспомогательная наука, дающая материал для иных, более высоких наук. Статус истории решительно повышают иенские романтики, находившие в истории «ключевое понятие для целого ряда новых развивающихся или переориентирующихся отдельных наук» [Fohrmann 1989: 10, 18]. Так, Ф. Шлегель в «Лекциях об универсальной истории» (1805–1806) пишет: «Поскольку всякая наука генетична (genetisch), то из этого следует, что история – самая универсальная, самая всеобщая и самая высшая из всех наук» [Schlegel 1960: 3].

Если история поэзии включена в область так понимаемой истории, то она должна перестать быть простым агломератом фактов, но приобрести внутреннее устройство, основанное на определенных принципах. Формирование этого внутреннего устройства и есть третий фактор становления самосознания истории литературы как автономной науки. На этом факторе мы остановимся подробно.

1.1. Внутренняя целостность / единство

С самого начала история литературы приписывала себе особую внутреннюю устроенность, которая отличает ее от прежнего «Litterärgeschichte» как бессистемного агрегата сведений. Она словно бы отвечает жалобам авторов «всеобщих литературных историй» второй половины XVIII – начала XIX в. на «океан литературы» (выражение Айхгорна), в котором историк может утонуть,

и на отсутствие регулирующих принципов, позволяющих отобрать материал. Нельзя сказать, что труды подобного рода были полностью лишены какой-либо системности и литературных характеристик. Так, Кристиан Генрих Шмид распределяет материал по родам и жанрам (труды по теории поэтического искусства; эпос; лирическая поэзия; эпиграмма и т.д.), а внутри этих рубрик – по национальностям. Сами статьи снабжены краткими характеристиками. Например, в разделе об эпиграмме читаем о Джоне Оуэне: «…сочинитель собрания латинских эпиграмм, среди которых немало удачных, многие же представляют собой холодную игру (frostige Spielerei)…» [Schmid 1781: 332]. Есть, между прочим, и сведения о русской литературе. Например, об «Александре фон Сумарокове» (sic!) сообщается, что он автор «восемнадцати трагедий, в которых подражал Расину…» [Schmid 1781: 691]. Однако и в этом труде, как видим, «системность» чисто внешняя. Преобладает установка на накопление фактов, от которой стремился отрешиться уже основоположник «новой» истории литературы – Боутервек, в программном предисловии к своему труду определивший свой метод как «философско-критический», в противоположность методу «филологически-библиографическому», предполагающему в первую очередь собирание фактов [Bouterwek 1801: Bd 1, IV].

Основной организующий принцип литературной истории обнаруживается историографами в идее прагматического (само слово «pragmatisch» многократно фигурирует в названии исторических трудов второй половины XVIII в. – например, у И.К. Гаттерера, К.Л. Вольмана): «…писать “прагматически” – значит раскрывать причинно-следственную связь» [Fohrmann 1989: 19]. Новое воззрение на задачи историографа формулирует Августин Шелле: историк не просто излагает события, но «связывает их как причины и следствия», из фактов «создает целое»; «такова философская, прагматическая история, которая по праву может требовать себе имя науки» [Schelle 1780: 7]. Принцип «связывания» причин и следствий, впрочем, для исторического повествования не специфичен: Фридрих фон Бланкенбург в «Опыте о романе» применяет его к повествованию романному, которое, по его мнению, не должно быть простым рассказом, но выявлением «ряда связанных между собой причин и следствий», «связи внутреннего и

внешнего бытия персонажей». Подход романиста к событию – генетический: он «должен заставить нас увидеть, как на самом деле возникло данное событие» [Blanckenburg 1999: 191–192].

Итак, история литературы должна представить свой предмет не как совокупность разрозненных фактов, но как связную целостность. Это требование весьма отчетливо формулирует медиевист Бернхард Доцен. Свою цель он видит не в «неопределенном литературном полигистерстве», но в «истории литературы, достойной этого имени»; под такой историей он понимает «не ряд фактов, расположенных в хронологическом порядке», сопровождаемых «случайными суждениями», но «законченное изображение ступенеобразно развивающегося предмета»; в таком изображении «изменяющееся во времени обретает форму (gestaltet wird) целого, органического тела (Leibe)», которое оживляется «духом» историографа [Docen 1807: XII–XIII].

«Новая» история литературы осмысляет себя в противопоставлении принципу внешнего агрегатного накопления как «внутренняя». Определение «внутренняя история литературы» – «innere Litteraturgeschichte» – появляется у Готфрида Бернарди в применении к римской литературе [Bernhardy 1830: 58]. По наблюдению Ю. Формана, понятие «внутреннего» (в сочетаниях «внутреннее развитие», «внутренняя история» и т.п.) многократно повторяется в самоопределениях новых историографов литературы, отделяющих таким образом свой метод от агрегатности и дурной «атомистики» (К. Розенкранц) прежних историков [Fohrmann 1989: 44]. Поиски внутреннего принципа литературной истории, которые велись уже с конца XVIII в., в середине – второй половине XIX в. подхватываются позитивистской методологией с ее принципами детерминизма и восхождения от частного к общему. Рассуждения Вильгельма Шерера кажутся вполне естественным продолжением аналогичных рассуждений его предшественников. «Истинный метод литературно-исторического исследования», по Шереру, состоит в том, чтобы от единичных сущностей (от «судеб», от «анализа духовных содержаний индивидуумов», «влияний», формирующих творческие личности, и т.п.) восходить, посредством «объединения родственного», к «реально всеобщему» как истинной «движущей силе» исторического развития [Scherer 1975: 68].

1.2. История литературы как реализация идеи

Но в чем же состоит «реально всеобщее», которое якобы придает единство («внутреннее» единство) истории национальной литературы? Это единство могло обуславливаться скрытой в национальной поэзии (или в «духе народа»), но постепенно и драматично (с этапами забвения и помрачения чужеродными силами) реализующей себя – наподобие аристотелевской энтелехии или гегелевского духа – идеей. Такую схему можно проследить у многих авторов – хотя саму базовую идею, организующую изнутри историю литературы, они понимали по-разному.

Георг Гервинус – создатель самой влиятельной и известной истории национальной литературы, сохранявшей этот статус до выхода истории Шерера, – выдвинул понятие «идеи» в центр своей методологии в теоретической работе «Основы исторической науки» (1837). Чтобы не впасть «в манеру бесконечной хроники», историк должен постичь «чистый образ происходящего» – подобно тому как художник постигает «праформу тела», а поэт – «идеальный тип характера». Из бесчисленных случайностей историк должен «смело и уверенно выбрать истинно важные»; «важным же в истории является то, что примыкает к исторической идее». Итак, «чистый образ» происходящего и «идея» практически тождественны (как родственны понятия «эйдос» и «идея»). Идеи – истинная основа истории: «эти идеи невидимо сопровождают события», они «внутренне организовывают (gestalten) всю историю» [Gervinus 1962 a: 84–85]. Работу историка Гервинус описывает в почти мистических метафорах: он должен «предчувствовать планы мирового правления», улавливать «знаки судьбы». По справедливому замечанию Ю. Формана, историк у Гервинуса превращается в герменевта: он не описывает и не анализирует, но скорее толкует историю – «история превращается в откровение, а историк – в пророка энтелехии» [Fohrmann 1989: 55].

Эту мысль Гервинус реализует и в практическом плане – в своей истории немецкой литературы. Он полагает, что в немецкой поэзии существует «потаенно действующая идея – а именно, идея возврата к формированию очищенного вкуса и действенности искусства (Kunstwirksamkeit)». Речь идет, по сути, о возврате к художественным идеалам Античности, которые были помрачены

Средневековьем: «Средние века вошли в резкое противоречие с временами Античности. Зрелое и полное формирование (Bildung) духа было утрачено…» XVIII век в Германии производит «духовную революцию»: в нем произошел «переворот, очевиднейшим плодом которого для нас был возврат из уродливейшего варварства к истинному здоровому вкусу в искусстве и жизни…» [Gervinus 1871: 4–6].

У Гервинуса идея национальной поэзии лежит в прошлом – эволюция парадоксальным образом движется назад, развитие состоит в возврате вкуса, утраченного в эпоху Средних веков. У Йозефа Эйхендорфа в «Истории поэтической литературы Германии» (1857) представление об идее, руководящей литературной эволюцией, сохраняется, но сама идея понимается иначе. Эта идея – религиозная: «История поэтической литературы, подобная кругообороту крови, движущейся от сердца и снова к нему, представляет собой не что иное, как пульсацию удаления от религиозного центра и возвращения к нему. Все революции в поэзии производятся религией». Вера пронизывает всю жизнь народа и для Эйхендорфа фактически совпадает с народным духом – по крайней мере в те моменты, когда народный дух близок к «религиозному центру»: «Там, где религиозная вера действительно живо пронизывает душевную глубину народа, она не будет удовлетворяться церковным благочестием, но будет определять, как душа тело, весь облик жизненного устройства и одновременно стремиться художественно изобразить его [народа] любовь, устремление, страх и надежды также и в поэзии, которая повсюду служит зеркалом душевной жизни нации» [Eichendorff 1976: 541]. Этот идеальный союз веры, поэзии и народной «души» для Эйхендорфа был реализован именно в Средние века, которые представляются ему высшей точкой в истории немецкой поэзии, – полная противоположность Гервинусу! В пределах Средневековья как вершины немецкой поэзии есть еще одна вершина – творчество Вольфрама фон Эшенбаха, величайшего немецкого поэта, который очистил и просветлил старую языческую героику, придав ей христианский смысл. У Вольфрама «старое, грубое, еще полуязыческое геройство дерзкой силы, алчности, ненависти и мести преобразилось в героизм самопреодоления, отречения и небесной любви» [Eichendorff 1976:

571]. В «Парцифале» Вольфрам непосредственно «связал рыцарство с вечным», соединив рыцарский дух и христианство.

Так – у католика Эйхендорфа. Иначе национальную идею видели историки-протестанты. Йозеф Хиллебранд полагает, что немецкая нация рождается из духа «протестантской свободы», которая идеально соответствует народному немецкому самосознанию [Hillebrand 1845: 46]. Идею свободы выдвигает на первый план и Роберт Пруц; он усматривает в истории немецкой поэзии обретение трех свобод: свободной религии (в Реформации), свободного искусства (в творчестве Гёте) и свободного государства (на его возможность указал своим творчеством Шиллер) [Prutz 1981].

В «Истории немецкой литературы» Вильгельма Шерера представление о руководящей и реализуемой идее не выражено эксплицитно; однако мы можем все-таки утверждать (по крайней мере, на материале обширного раздела о средневековой литературе), что для светски настроенного Шерера главным фактором развития является отнюдь не религиозная идея, но скорее движение ко всё большей «гуманности» и «толерантности», – движение, которое отнюдь не было прямолинейным, но осложнялось моментами возврата к прежним состояниям. Эти ключевые для него понятия всплывают в его истории многократно. Шерер, например, обращает внимание на то, как одни и те же персонажи, исторические или легендарные, меняют свой характер в более поздних текстах, трактующих связанные с ними сюжеты: «Теодорих, предательски убивающий своего противника, становится толерантным властителем»; страшные деяния Кримхильды получают моральное оправдание – она совершает их «во имя верности, она исполняет долг мести ради прекраснейшего из героев» [Scherer 1884: 26]. Низкие страсти начинают вызывать отвращение, всё чаще поощряется милосердие и т.п.

1.3. Мания стадиальности

Литературная история должна быть структурирована, а именно: структурирована посредством деления; она должна делиться на стадии. Таково общее убеждение историков литературы, которые проявили исключительную изобретательность в порождении все-

возможных схем – по сути, инструментов диахронного деления литературы.

Самой простой и глобальной из них было, пожалуй, деление поэзии на природную (естественную) и искусственную – Naturpoesie и Kunstpoesie. Оно всплывает уже у иенских романтиков – например, в следующем фрагменте Новалиса: «Истинное начало – природная поэзия. Конец – это второе начало – искусственная поэзия» [Novalis 1965: 536]. У гейдельбергских романтиков и филологов, связанных с их кругом (прежде всего у Якоба Гримма), это деление используется для идеализации народной поэзии, которая представляется не «созданным», а «природным», органическим феноменом и на этом основании противопоставляется искусству как таковому. Именно такую конструкцию находим у Йозефа Гёрреса в предисловии к изданному им исследованию о немецких народных книгах. Гёррес рассуждает о «поэзии», живущей «в народе» и проявляющейся двояко: в народных песнях (Volkslied), которые «ни в коей мере не являются произведениями искусства (Kunstwerke), но произведениями природы (Naturwerke), как растения», и в «народных преданиях» (Volkssagen), возникших в эпоху, когда народ «ни в чем не находил безжизненности (Lebloses), но повсюду видел героическую жизнь, великую, гигантскую силу…» [Görres 1807: 15–16].

Однако наибольшую ясность эта конструкция приобрела в трудах Якоба Гримма. Оппозиция Naturpoesie и Kunstpoesie, сформулированная в статье «Мысли о том, как предания соотносятся с поэзией и историей» (1808), а также в других работах и в письмах, напоминает шиллеровское разделение поэзии на наивную и сентиментальную; однако, в отличие от Шиллера, Гримм решительно разводит естественную и искусственную поэзию исторически: «…как различными представляются они внутренне, так с необходимостью они должны быть разделены и во времени; они не могут существовать одновременно» [Grimm 1864: 399–400]. Естественная поэзия имперсональна, не имеет индивидуального автора: предание само себя высказывает и распространяет (die Sage sich selber ausspricht und verbreitet). Искусственная поэзия, напротив, индивидуальна и субъективна: в ней «человеческая душа воспроизводит свое внутреннее содержание (sein Inneres)...» [Grimm 1864: 399]. Переход от естественной к искусственной поэзии Гримм

понимает как исторический закон, общий для всех литератур: «…всякая поэзия, как только она покидает свою объективность, обычно переходит в кричащую субъективность, которая проявляется в склонности к лирическому, а затем и в пристрастии к искусственным формам…» [Grimm 1869: 13]. В немецкой литературе такой переход, по Гримму, происходит в конце XII в.

Итак, схема Гримма предполагала лишь один разрыв в истории поэзии – однако разрыв фатальный, имеющий необратимые следствия. Поэзия, вступившая на путь «индивидуального творчества», уже никогда не станет Naturpoesie. Более сложные схемы выделяли в истории немецкой поэзии чередующиеся стадии расцвета и упадка, который допускал возможность нового «возрождения». Доминирует схема, согласно которой после расцвета в эпоху миннезингеров следует упадок, затем возрождение (связанное с Лютером, а потом и с Опицем), затем вновь упадок и новая регенерация во второй трети XVIII в. В пределах этой схемы, однако, предлагаются разные периодизации: Иоганн Адольф Нассер [Nasser 1798–1800] оперирует пятью периодами; Георг Август фон Брейтенбаух [Breitenbauch 1811] – четырьмя. Особенно впечатляет попытка Кристиана Генриха Шмида выделить (в «Skizzen einer Geschichte der teutschen Dichtkunst», 1780–1784, публиковавшихся в журнале «Olia Potrida» с 1780 по 1791 г.) целых четырнадцать «эпох» в истории немецкой литературы, каждая из которых отмечена преобладанием той или иной манеры и жанра [Beise 2016: 688].

В историко-литературной концепции Эйхендорфа чередование эпох расцвета и упадка определялось уже отмеченным нами фактором – «пульсацией удаления от религиозного центра и возвращения к нему». Эпохи, составляющие историю немецкой словесности, так или иначе связаны с религиозным развитием нации: ядро первой эпохи («древнего национального язычества») – идея «сверхчувственного»; во вторую эпоху – борьбы язычества с христианством – эта идея приобрела специфически германский характер; в третью эпоху (хронологически соответствующую эпохе Штауфенов) возникает «христианская поэзия». После этого средневерхненемецкого «расцвета» следует четвертая эпоха – упадка (сатирическая народная поэзия, чуждая подлинной религиозности, и т.п.); он продолжается в пятую эпоху – эпоху протестантизма, который делает своим принципом «эмансипацию субъективности»

[Eichendorff 1976: 607]. Реформация, которая от сверхъестественного возвращается к природе, «от фантазии к разуму» [Eichendorff 1976: 637], разрывает «золотую нить традиции» [Eichendorff 1976: 607], создает губительную иллюзию нового начала истории поэзии. Протестантизм для Эйхендорфа – опаснейшая духовная болезнь. Он порождает и «ученую поэзию», мертвую и непонятную народу. Лишь с середины XVIII в. начинается шестой период – «поэзии современной религиозной философии», порывающей с «реформаторским просвещением» и готовящей почву для «нового романтизма», седьмого периода немецкой поэзии, который представляет собой своего рода «возрождение» средневекового расцвета.

Схему, предполагающую чередование периодов расцвета и упадка, разрабатывает и Вильгельм Шерер, но на совершенно ином основании. Его идея деления литературных эпох на «мужские» и «женские» была сформулирована уже в его «Истории немецкой поэзии в XI и XII веках» [Scherer 1875], где эти эпохи названы «männisch» и «frauenhaft». В более поздней «Истории немецкой литературы» эта идея не выражена явно и структурно (например, в оглавлении), но постоянно ощутима при чтении книги: свидетельства облагораживающего влияния женщин в эпохи расцвета отмечаются Шерером постоянно.

Эпохи расцвета Шерер позиционирует приблизительно, около трех хронологических «точек» – 600, 1200 и 1800 гг.: «Высшие точки подобны гребням волны (Wellenberge), и гребням должны соответствовать ложбины» [Scherer 1884: 19], т.е. периоды упадка. Нетрудно заметить, что периоды расцвета отстоят друг от друга на примерно одинаковые временные промежутки – их разделяет по шесть веков. По поводу этой удивительной равномерности Шерер замечает: «Ход нашей литературной истории можно свести к поразительно простой схеме: три большие волны, гребень и впадина (Berg und Tal) в регулярном чередовании» [Scherer 1884: 20].

Первый период расцвета, несмотря на отсутствие сохранившихся от него памятников, Шерер объявляет самым «богатым на изобретение (erfindungsreich)»: именно в этот период, по его мнению, были созданы образы и сюжеты героического эпоса (прежде всего легенд о Нибелунгах), которые нашли известную нам разработку уже во второй период. Характерно, что в третий период «старые героические эпосы (Heldenlieder) воскресают; песнь

о Нибелунгах получает новую известность…» [Scherer 1884: 19]. Но второй и третий периоды отмечены также творческим и синтезирующим усвоением иностранных моделей – французского куртуазного романа и т.п. В эти счастливые моменты национальной литературной истории на помощь немцам приходят не только романские литературные тексты, но и свойственное романским народам «чувство формы», у немцев развитое слабо [Scherer 1884: 21]. Точки упадка характеризуются, напротив, тем, что в них «отсутствует волшебство формы (Zauber der Form)» [Scherer 1884: 19].

Мысль о форме у Шерера соседствует с мыслью о женщинах – об облагораживающем женском влиянии. Любопытна, однако, сама риторическая техника, которую он использует, чтобы от проблемы благотворных чужеземных влияний (в том числе и дарующих немцам форму) перейти к благотворному влиянию женщин (речь, разумеется, о вышеупомянутых периодах расцвета). Словом-шифтером, переключающим с первого на второе, служит любимая шереровская «толерантность»: «С толерантностью национальной идет рука об руку толерантность религиозная и освобождение от косных законов жизни». Толерантность означает и переход к «благородной человечности» (вновь появляется не раз повторяющийся у Шерера образ победителя, милующего поверженного врага). Властитель хочет вызывать не страх, но любовь; «многих воодушевляет желание видеть радостные, довольные, благодарные лица»; и наконец – столь естественный для Шерера переход: возникает настоящий культ женщины, под влиянием которого не только утончаются мужские нравы, но и шлифуется «форма» [Scherer 1884: 21–22].

Что, однако, позволяет Шереру сделать вывод о доминировании в первом, весьма гипотетическом периоде «расцвета» женского начала? Анализ (Шерер, впрочем, приводит лишь его результаты) традиционных германских имен. Имена женщин распадаются на две группы. Первая «связывает природу и красоту, стремится обозначить милое, привлекательное, благотворное и радующее. Имена этой группы говорят о любви, верности, наслаждении и мире; о святости и божественности…». Имена второй группы выражают идею борьбы и битвы; они соответствуют «идеалу амазонки» [Scherer 1884: 10–11]. Именно имена первой группы свидетельствуют о существовании в германской древности

эпохи женственности. «На основании германских женских имен мы указываем на древнейшую эпоху чистой женственности (Weiblichkeit), в противоположность другой, где имели значение лишь мужское начало и военные ценности; мы верим, что в первый период расцвета нашей поэзии, о котором источники свидетельствуют столь скудно, мы найдем некоторые черты, которые будут общими со вторым и третьим периодом…» [Scherer 1884: 10–11].

Эти черты – «уважение к женщине и гуманность» – Шерер вынужден находить в первый период расцвета, собственно в период зарождения героической песни (Heldengesang) «у готов», лишь по косвенным свидетельствам. Вот свидетельство гуманности: «Некий готский король Испании после победоносной битвы был вынужден воскликнуть: “О как несчастен я, что в мое время должно пролиться так много человеческой крови”!» А вот свидетельство почитания женщины: согласно «народному праву», за убийство женщины нужно было заплатить вдвое больше, чем за убийство мужчины; «срывание с головы юной женщины диадемы <…> в баварском праве наказывалось столь же строго, как попытка отравления свободного человека». Только в этой обстановке «гуманности» «женственного» VI (приблизительно) века и мог появиться героический эпос, давший пищу всей позднейшей немецкой литературе: «Только в этом более мягком воздухе героическая песнь могла вырасти нравственно, только в нем могли развиться широта эпоса, удовольствие от изысканного поведения, от выразительной речи, короче: от украшенного бытия» [Scherer 1884: 27]. И напротив, упадок немецкой словесности в пору позднего Средневековья выразился и в резком изменении отношения к женщине; эстетизированные нравы эпохи Штауфенов, замечает Шерер, далеко: тогда женщин почитали, теперь их сжигают на костре как ведьм [Scherer 1884: 244].

Итак, мужское и женское начала взаимодействуют в истории немецкой литературы, но в целом моменты расцвета связаны с усилением женского начала, облагораживающего вкус; полная гармония этих начал достигается в «мудрости классического Гёте». Но, конечно, «вечная женственность» – далеко не единственный фактор, обусловливающий стадиальность немецкой литературы. Выделение периодов расцвета связано у Шерера, как и у многих

его предшественников, с развитием самой немецкой нации: первый расцвет совпадает с «основанием (Begründung)», второй – с «достижением единства (Vereinheitlichung)», третий – с «расширением (Ausbreitung)». Все три периода определяются не только достижениями словесности, но и «монархическим моментом» [Fohrmann 1989: 223] – наличием великого государя, выступающего в роли катализатора культурного прогресса: за первым расцветом последовала эпоха Карла Великого; второй расцвет связан со Штауфенами, третий – с Фридрихом Великим. По мнению Шерера, «имперская идея», заложенная политикой Карла Великого, «стала стержнем немецкой истории и остается таковой» [Scherer 1864: 3].

Последняя стадиальная схема, которую необходимо упомянуть, – разделение на периоды по доминирующим в литературе сословиям. Ее намечает Август Вильгельм Шлегель, когда проводит деление на четыре эпохи: монашескую, рыцарскую, бюргерскую и ученую (gelehrte) [Schlegel 1884]. Однако детальную проработку эта схема получила у Гервинуса, для которого чередование литературных периодов обусловлено чередованием «носителей» литературы – сословий, в чьих руках находится поэтическое творчество в данный исторический момент; при этом участие народа в развитии поэзии становится все шире (от узкого круга клириков до весьма обширного бюргерского сословия). Изначально народная поэзия попадает «в руки духовенства»: под влиянием латинской римско-католической культуры народное творчество оскудело. Далее носителем поэзии оказывается рыцарство; наступает «расцвет рыцарской лирики и эпопеи». Поэзия этого периода, однако, не представляется Гервинусу однородной: в ней сосуществуют героическая эпика народного склада, «субъективный» лирический миннезанг и идеализированная искусственная поэзия (Kunstpoesie) артуровского эпоса; при этом Гервинус отдает предпочтение героической эпике, находя миннезанг недостаточно мужественным: «…ибо когда любовь надолго завладевает всем существом мужчины <...>, он изменяет своей мужской природе» [Gervinus 1835: 345]. Шерер нашел бы это скорее достоинством, чем недостатком…

После этого расцвета наступает «упадок рыцарской поэзии и переход к народной поэзии». Упадок рыцарства приводит к доминированию в поэзии «бесхарактерных героев»; героическое

мужское начало приобретает черты грубости. Упадок поэзии обусловлен не только вырождением рыцарского сословия, но и медленностью формирования нового «носителя» поэзии – бюргерства, которое должно отныне стать очередным «хранителем» поэзии. Бюргерство начинает с неловкого подражания образцам рыцарской поэзии (в мейстерзанге), но подлинного расцвета достигает лишь спустя столетия, в творчестве Гёте и Шиллера.

Представляя историю немецкой поэзии как передачу поэзии от сословия к сословию, как бы из рук в руки, Гервинус не забывает и мысль о народе как единственном истинном созидателе поэзии. По сути, наряду с исторически конкретными сословиями в его «Истории» постоянно присутствует и «народ», исторически нелокализованный, «вечный». Характерно, что после главы об упадке рыцарства следует глава «Усвоение народной поэзии», где говорится о «распространении поэтических занятий в народе» уже со времен императора Максимилиана: народ создает (в частности, в народных книгах) свои поэтические миры в противовес аристократической и ученой традициям. Соотношение рыцарского, бюргерского и нового периода, в который немецкая литература только вступает, Гервинус связывает с доминированием определенных родовых начал: «В рыцарские времена господствовало эпическое и повествовательное начало; в бюргерские – дидактическое и сатирическое; в период, которого мы теперь достигли, главным будет драматическое и изобразительное (Darstellende); сначала дело шло о материале (Stoff), затем о суждении (Meinung), теперь – о форме» [Gervinus 1838: 166]. Как и у Шерера, «форма» выступает в качестве своего рода телоса, к которому немецкая поэзия стремится; но если Шерер совершенное владение формой связывает с периодами преобладания женского начала, то Гервинус «откладывает» проблему формы на самый конец немецкой поэтической истории.

1.4. Агональность

История литературы разделена не только диахронно – на стадии и периоды, но и синхронно – на борющиеся в ней силы (иногда противостоящие силы разнесены по разным периодам, и в этом случае смена периодов предстает как результат борьбы). На это свойство немецкой литературной историографии XIX в.,

постоянно обнаруживающей в тот или иной момент истории противоположные, враждебные друг другу начала, обратил внимание Юрген Форман, назвавший его «агональностью». Так, по мнению Формана, Гервинус-историк в целом «мыслит агонально» [Fohrmann 1989: 151]. В самом деле, начальные пассажи истории Гервинуса, в которых он формулирует предмет своего повествования, свидетельствуют о намерении рассказать историю борьбы национальной поэзии с некими враждебными и чужеродными силами, – историю, которая в то же время имеет хороший конец. Моя цель, говорит Гервинус, рассказать (erzählen) историю немецкой поэзии от ее возникновения до момента, когда она после разнообразных «превратностей (Schicksalen) в наибольшей мере и определеннейшим образом приблизилась к самому общему и чистому характеру поэзии и любого искусства вообще». Он прослеживает историю поэзии и там, «где она то лежала под игом монашества, то приняла опасное направление заботами односторонне образованного рыцарства, то была заключена в оковы местными ремесленными сословиями или покорена напирающими чужаками», – до того момента, когда она «стала своим собственным господином и быстро отплатила за <…> порабощение мстительными завоеваниями» [Gervinus 1871: 1].

Уже из этой вводной фразы видно, что повествование будет иметь сюжет – а именно: сюжет о борьбе поэзии с «антагонистами», которыми в этом рассуждении представлены и собственные сословия – монашество, рыцарство, «ремесленники», – но также и инородные «чужаки». Принятая Гервинусом агональная схема заставляет говорить об этих чужаках как об акторах, носителях действия: не немецкая поэзия усваивает чужеродное, но чужеродное захватывает и покоряет немецкую поэзию. Всех этих антагонистов немецкая поэзия в конце концов побеждает и сама становится «актором»: иноязычные влияния, которые она испытывает начиная с продуктивной для нее эпохи Просвещения, переданы как ее активные действия, «завоевания».

Кто же эти «чужаки», о которых говорит Гервинус? В период «перехода к рыцарской поэзии времен Штауфенов» национальный дух, не без благотворного влияния крестовых походов, вступает в борьбу с «латинской» культурой. Опасным было и французское влияние, навязывающее свою гегемонию (лучше Гервинус отно-

сится к английскому влиянию: именно у англичан немцы во многом научились быть самостоятельными). Но, помимо агона с чужаками, в истории немецкой поэзии были и другие агоны: ученое начало входило в конфликт с народным; рациональное – с чувственным: чувственное начало было подавлено рассудочным XVII в., но стало воскрешаться с начала XVIII в. (у Брокеса и Хагедорна), достигнув расцвета в культуре чувствительности (Empfindsamkeit).

Сходную, в меньшей или большей степени драматичную картину рисуют и другие историографы: Вильгельм Циммерман, Иоганн Шерр, Йозеф фон Эйхендорф, отчасти (но явно в меньшей мере) и Шерер. Вильгельм Циммерман [Zimmermann 1846] представляет развитие поэзии как разворачивание народного духа (Volksgeist), затрудняемое чужеродными явлениями (латинизированное христианство и даже гуманизм Реформации, также представленный как «ложная» латинская культура), но все-таки достигающее полной реализации – сначала в «первом расцвете классической и национальной литературы» (Клопшток, Виланд, Винкельман, Лессинг), а затем в «золотом веке немецкой мысли и поэзии» (Гёте и Шиллер).

Драматичнее агон немецкой литературной истории выглядит у Иоганна Шерра. Народное начало насильственно подавлялось уже «жестоким деспотом» Карлом Великим и его священниками, «которые не хотели иметь иной родины, кроме церкви» [Scherr 1854: 7]. Это народное начало связывается в первую очередь с народной песней, которая отчасти и готовит Реформацию, понимаемую Шерром как антифеодальное и антисхоластическое движение. Творчество Лютера и Гуттена могло положить начало «национальному возрождению Германии», но ему воспрепятствовали раздробленность страны и Тридцатилетняя война (которой, по мнению Шерра, дали ход иезуиты). Однако «немецкий дух» спорадически проявлял себя и в эту эпоху – например, в романе Гриммельсгаузена, «насквозь здоровом и немецком» [Scherr 1854: 54]. Одобрен Шерром и пиетизм – за его борьбу с ортодоксией, далекой от народности. Однако настоящее «победное шествие» немецкой литературы начинается с Брокеса, Халлера и Хагедорна; к нему затем присоединяются Клопшток, Виланд, Лессинг, «открывший своим соотечественникам истинную сущность поэзии и всякого искусства» [Scherr 1854: 82]. Триада Клопшток – Виланд – Лессинг

знаменует у Шерра процесс эмансипации от чужеродных начал и получает название Просвещения (Aufklärung), понимаемого как «освобождение немецкого сознания от средневеково-романтического варварства и рабства <...>, от вампиризма теологического мировоззрения» [Scherr 1854: 71].

Герман Гетнер в «Истории немецкой литературы в XVIII столетии» (составляющей третью часть его «Истории литературы XVIII столетия» [Hettner 1856–1870]) историю немецкой поэзии представляет как борьбу народной души (Volksgemüt), стремящейся к «художественному» выражению, с разнообразными чужеродными началами. Эта борьба на протяжении истории принимала разные формы; последнее ее проявление – полемика Готшеда со «швейцарцами» (Бодмером и Брейтингером). Генрих Лаубе [Laube 1839–1840] изображает историю немецкой литературы как постоянную борьбу «благородной немецкой национальности» с внешними влияниями католического «универсализма». Борьба эта шла с переменным успехом, но национальная идея все же восторжествовала в «повороте к классике» (к классической литературе и философии в их единстве – к Гёте и Гегелю). Как видим, во всех вышеназванных агонах борьба имеет счастливый конец.

Пожалуй, особое место в этом ряду занимает Эйхендорф, который в самом факте борьбы, постоянно ведущейся в немецкой литературе, усматривает ее характерное и даже национальное начало. «Нигде, за исключением, пожалуй, Испании, народный элемент не боролся столь длительно и смело с искусственной поэзией ученых, ученая поэзия, со своей стороны, – с церковью, романтизм – с непоэтическим рассудком, как в Германии, где вся почва покрыта обломками от чередующихся поражений, а души убитых и разрозненные обозные солдаты все еще блуждают среди победителей, которые скоро сами снова станут побежденными»; в Германии «ратование само по себе (das Ringen selbst), постоянно возобновляющаяся борьба <…> и составляют характеристическое и национальное» [Eichendorff 1976: 530, 540–541]. «Акторов» борьбы у Эйхендорфа немало. На уровне языка это противостоящие друг другу латынь и немецкий – их «дуализм», по мнению Эйхендорфа, до сих пор не изжит в немецкой литературе [Eichendorff 1976: 553]. На уровне мировоззрения он обнаруживает оппозицию аристотелизма и платонизма, якобы пронизывающую всё Средневековье.

На эту исходную оппозицию нанизывается ряд производных: аристотелизму соответствует схематичность, разум, механическое, схоластическое; платонизму – фантазия, чувство, органическая целостность, мистическое. Аристотелизм и платонизм – а вернее, ряды связанных с ними оппозиций, – породили два соответствующих направления в средневековой поэзии. «Дух Аристотеля проявил себя в порой совершенно сухом схоластическом направлении» – в «казуистике переусложненного (überkünstlichen) миннезанга» или в «диалектической рассудочной поэзии знаменитой варбургской войны». «Платонический тип мировоззрения» породил «мистико-аллегорическую символику», которой пронизаны произведения, связанные с темой двора короля Артура и Святого Грааля. С аристотелевской линией связана и «математическая философия» XVII–XVIII вв. (Эйхендорф имеет в виду Лейбница и Вольфа), пагубное влияние которой на литературу привело к тому, что «свободный поэтический лес превратился в диковинный французский парк с геометрически очерченными деревьями, стриженными аллеями и грядками…» [Eichendorff 1976: 531–534]. Логика нанизывания аналогий приводит Эйхендорфа к тому, что аристотелевская философия сравнивается с французским парком!

Помимо «чопорной математической поэзии, которая представляла всю жизнь как торжественный менуэт с геометрически отмеренными турами и симметричными поклонами» [Eichendorff 1976: 538], антагонистом подлинной национальной поэзии оказалась еще и «поэзия филологическая» [Eichendorff 1976: 536]. Ее создали протестанты, порвавшие со средневековой традицией и поставившие классическую филологию на неподобающее ей привилегированное место; в «филологической поэзии» «рабское подражание древним» соединилось с «глупым презрением к нашему Средневековью и его великим поэтическим произведениям».

В гораздо детальнее проработанной истории Шерера агональная схема не выполняет существенной роли. Постоянно отмечается, впрочем, «борьба духовного сословия против рыцарства», которая к началу крестовых походов кончается плохо для первого: «…в вековой борьбе духовного сословия против мира триумф снискал мир» [Scherer 1884: 81]; однако на закате Средних веков ситуация изменилась. В конце раздела об этой эпохе Шерер констатирует: «Около 1300 года было решено, что красота должна

покинуть свой трон», а вместо нее правление примут другие начала, среди которых – «благочестие (Frömmigkeit)» [Scherer 1884: 231]. Другой тип агона, которого изредка касается Шерер, – «национально-патриотическая борьба с посягательствами Рима», т.е. борьба с папизмом, к участникам которой Шерер относит Архипиита и Вальтера фон дер Фогельвейде [Scherer 1884: 197].

Весь агон немецкой поэзии находит, однако, успокоенное завершение в фигурах Гёте и Шиллера, чья «мифическая конвергенция» составляет, по мнению Юргена Линка, «конститутивный принцип» всей немецкой литературной историографии XIX в. [Link 1983]. Эти «братья Диоскуры» немецкой литературы как бы снимают проводимые через всю историю оппозиции – такие, как оппозиции природы и искусства, природы и свободы, реального и идеального. По Гервинусу, они символизируют «две разделенные половины всей человеческой природы», «великий союз объекта и субъекта, природы и свободы» [Gervinus 1844: 440]; Гёте воплощает природу и реальное, Шиллер – свободу и идеальное. Мысль (и отчасти миф) о Гёте и Шиллере как двух половинках немецкого духа будет многократно повторена другими историками немецкой литературы. Так, Кристиан Георг Фридрих Бредерлов, говоря о них как о «манифестации немецкого духа в двух дополняющих и уравновешивающих друг друга субъектах», добавляет: «Ничего подобного не явила никакая другая нация» [Brederlow 1844: 242]. Сходным образом и в истории Шерра венчают развитие немецкой литературы опять-таки Гёте – Шиллер, каждый в собственной функции: первый – «как абсолютно свободный художник, завершая эстетическую фазу развития немецкой и европейской культуры»; второй – «начав переход от идеи красоты к идее свободы, от свободного искусства к свободному государству» [Scherr 1854: 94].

2. Внелитературные инстанции литературной истории

Описывая историю и устройство немецких «Literaturgeschichten», мы уже столкнулись с парадоксом: нахождение и выделение историей *литературы* собственного предмета – «национальной поэзии немцев» – происходит на основе и при помощи инстанций по природе своей *внелитературных*. И далее история литературы

управляется и направляется в своем развитии из инстанций, находящихся за пределами собственно литературы, которая для них служит лишь одним из способов «материализации», одним из возможных воплощений. Главная из таких инстанций, безусловно, нация, а точнее, душа народа в ее гердеровском понимании. Описание литературной истории зиждется на тех или иных представлениях об этой народной душе: так обстоит дело в «Literaturgeschichten» Гервинуса, Эйхендорфа и многих других историков. В гораздо меньшей степени «национализм» проявляется у Шерера, но и у него эволюция литературы во многом сводится к развитию человека и «утончению» чувств, усилению гуманности и «толерантности». Можно сказать, что «человек» и «чувства / моральные качества» – еще две внелитературные инстанции истории литературы, дополняющие инстанцию «души народа».

2.1. Душа народа

Понимание истории литературы как самораскрытия народной души – итог длительного развития национальной идеи, которое в Германии началось на рубеже XVI–XVII вв. (стимулом к этому развитию послужило открытие текста «Германии» Тацита, давшего повод для идеализации немецкой древности). В поэтиках, начиная с М. Опица, разрабатывается представление о самостоятельной ценности и самобытности немецкой словесности (так, Готшед полагал, что именно немцы изобрели рифму: «…древние немцы научили всю Европу рифмовать» [Gottsched 1989: 21]). Разворачивается и литературный «спор наций»; патриоты немецкой самобытности полемизируют со скептиками, полагающими, что немцы слишком рабски подражают иноземным образцам, что немецкая словесность бедна, немецкий язык скуден и т.п. (точка зрения Фридриха II в его «De la littérature allemand», 1780); чаще всего полемика в этой области ограничивается сравнением Германии с Францией.

Так или иначе, но для многих историографов именно «дух» немецкого народа – истинный субъект истории национальной поэзии; это представление чрезвычайно ясно выражено у Гервинуса: из «быстрого обзора» (как он называет свою историю) «дух народа встает как живой и обращается тысячью красноречивых голосов к нашему сердцу, душе и разуму…» [Gervinus 1871: 12]. Создания

поэтов – «голоса» одного и того же народного духа; метафора «голос народного духа» восходит, возможно, к названию гердеровского сборника песен разных народов, который во второй, посмертно изданной редакции носил название «Голоса народов в песнях». Но именно Гердер ввел в представления о литературе «ценность принадлежности к группе (Value of belonging to a group)», по известному выражению Исайи Берлина [Berlin 2013: 218]. Писатель способен выражать мироощущение своей «группы», т.е. народа; эту идею и подхватывают «Literaturgeschichten», превращая всю историю национальной поэзии в симфонию голосов «народного духа».

2.1.1. Теория национальной литературы: Гердер и романтики

Обоснование идеи нации и национального, которая и легла в основу немецкой литературной историографии, дает Гердер, осмысливший нацию как «субъект энтелехии» [Fohrmann 1989: 95]. Нации трактованы им как индивидуальности, обладающие характерными чертами; у немцев таковыми являются (упоминания черт немецкого характера разбросаны по разным работам Гердера) чистосердечность, способность к учению [Herder 1885: 328], «чувство справедливого порядка», «терпеливое прилежание» [Herder 1880: 303] и т.п. Позднейшие истории немецкой литературы будут развивать восходящий к Гердеру мотив особого нравственного чувства, присущего народу (в данном случае германцам). Так, Бредерлов полагает, что древним германцам, «при всей необузданной природной силе», присуще «глубокое, простое чувство, простодушная (kindlich) нравственная жизнь, величайшая дисциплина и незапятнанное целомудрие» [Brederlow 1844: 3–4].

Следующий шаг в развитии национальной идеи делают романтики. Они подхватывают гердеровскую корреляцию между писателем и нацией; убежденность в том, что в центре истории литературы должны будут стоять не отдельные писатели, но национальная идея, проявляется в конце «Венских лекций» Ф. Шлегеля: «Возможно, недалек тот момент, когда от отдельных писателей будет зависеть меньше, чем от развития всей нации» [Schlegel 1961: 407]. Идея нации проецируется и на стадиальные построения

романтиков, превращающие Германию в центр современной «романтической» эпохи. В «Разговоре о поэзии» Ф. Шлегеля содержится прямой призыв к немцам осуществить свою миссию – исследовать «художественные формы искусства вплоть до их корней ради возможности вновь оживить или по-новому сочетать их» [Шлегель 1983 b: 381].

Историю «новейшей литературы» Ф. Шлегель представляет (в «Истории европейской литературы») как чередование национальных этапов: «Новейшая история литературы начинается <...> с христианско-латинской; затем следует старофранцузская – источник для итальянской и испано-португальской; северная (nordische) как промежуточный источник всех этих литератур; английская и, наконец, немецкая, которая охватывает все эти литературы, поглощает их все; она – единственная, которая еще продолжает цвести в самой свободной живой силе, от нее одной еще можно ожидать значительной и плодотворной эпохи» [Schlegel 1958: 140]. Народы «вступают» в историю европейской литературы поочередно, как голоса в фуге; вступление немцев оказывается самым весомым. В таком же духе трактована «новейшая история» европейской литературы уже у Боутервека, который рассматривает национальные литературы поочередно: начинает с итальянской, затем переходит к испанской и португальской, французской, английской, а завершает свой обзор немецкой литературой, которая обладает особой «универсальностью» и потому знаменует кульминацию всей литературной истории.

2.1.2. «Немецкий дух» – самый универсальный?

Начиная с этой точки, теория национальных стадий приобретает опасную оценочность. Сравнение наций неминуемо предполагает иерархию – попросту говоря, вопрос: а кто здесь лучший? Лучшими, конечно, оказываются немцы. «Немецкий этап» становится результирующим и обобщающим в истории «европейской литературы»; причем завершающая и обобщающая роль немецкой нации в европейском литературном процессе обусловлена и духовными свойствами народа: немцы, как пишет А.В. Шлегель в «Истории романтической литературы» (1803–1804), нацелены на то, чтобы «соединить лучшие черты различных национальностей,

вдуматься и вчувствоваться (hinein zu denken und hinein zu fühlen) во все [эти национальности] и тем самым создать космополитическое средоточие для человеческого духа. Универсальность, космополитизм – в них истинное немецкое своеобразие». Если культура человечества зародилась на Востоке, то «Германию нужно рассматривать как Восток Европы» [Schlegel 1884: 33–34]. Ф. Шлегель наделяет «немецкий дух» особой способностью к синтезу: «...немецкий дух глубоко устремляется в скрытые начала внутренней жизни, где элементарные силы (которыми другие нации владеют лишь частично. – *А. М.*) являются уже не разъединенными, но исходящими из общего корня...» [Schlegel 1961: 419].

2.1.3. Немецкие добродетели и немецкая собственность

С большим размахом тема немецких национальных достоинств проведена Эйхендорфом. Свою «Историю поэтической литературы Германии» он и начинает не с поэзии, а с характеристики «немецкой нации», «самой основательной, углубленной в себя (gründlichste, innerlichste), а соответственно, и самой созерцательной из европейских наций»; немцы – «народ скорее мысли, чем дела». Три прилагательных в превосходной степени подразумевают ценностную иерархию – но она пока неочевидна: немцы – «самая созерцательная» нация; значит, они отлучены от «дела»? Из продолжения следует, что это не так: «Если, однако, дело – ничто без порождающей его мысли и лишь благодаря мысли получает свое всемирно-историческое значение, то мы вправе сказать, что эта созерцательная нация тем не менее и создала всемирную историю». Для немецкого народа «идея была мечом, литература – полем битвы» [Eichendorff 1976: 529]. Антитеза дела и мысли, как видим, снята – в пользу немецкой нации.

Из других немецких достоинств, упоминания которых разбросаны по тексту, назовем лишь основные: чувство свободы (Freiheitsgefühl); верность (Treue), которая может стать причиной «трагической катастрофы», – ведь «ужасный Хаген убивает Зигфрида из верности своей королеве Брунгильде»; представление о знатности как о нравственном качестве («превосходство знати было скорее нравственного, чем материального свойства»); «глубокое чувство природы (das tiefe Naturgefühl)», имевшее религиозный

оттенок, – древние немцы поклонялись природе, «их храмом был лес»; соединение «универсальности и индивидуального многообразия» [Eichendorff 1976: 529, 546, 548, 550]. Наконец, особо надо упомянуть «постоянное стремление к мировому гражданству (Weltbürgertum), даже в ущерб патриотизму и национальному чувству». Притязание на «Weltbürgertum» объясняется тем, что «мы [немцы] хотим обладать *всей* истиной, и естественно, что когда мы не находим ее достаточно ясно выраженной у себя либо у родственных нам народов, мы проникаем туда, где хотя бы какой-нибудь луч света освещает прошлое, чужое…»; «из всякого подобного вторжения в чужеземные области и в самые различные эпохи нам всегда доставалась какая-то добыча, и мы, без сомнения, постепенно завоевали в искусстве и науке такое обширное достояние и такой универсальный кругозор, какими не обладает ни один из существующих одновременно с нами народов. Мы – духовные наследники почти всех образованных наций» [Eichendorff 1976: 529].

Однако роль «наследника» Эйхендорфу кажется недостаточно значительной, и поэтому он в конечном итоге возвращает немца – после полетов по другим странам – к самому себе, чтобы дать ему возможность обогащать собственную индивидуальность, превращая чужое в свое. Истинно немецким оказывается и «стремление всегда возвращаться от обзора всеобщего домой, в нас самих, чтобы внутренне переработать приобретенное и как можно своеобычнее сформировать собственную особую природу» [Eichendorff 1976: 529].

Эйхендорфу важно подчеркнуть, что немцы не только усваивали чужое, но и давали миру свое, – он не считает лишним напомнить, что именно немцы изобрели порох и книгопечатание, свое «идеальное оружие»; они же фактически подарили Европе христианство, хиревшее при византийском дворе: они «признали его в его полном достоинстве и наделили его всемирно-исторической действенностью» [Eichendorff 1976: 529]. Неудивительно, что ряд литературных категорий – казалось бы, по сути своих всеобщих – объявляются немецкой собственностью, которой немцы вправе делиться с другими народами. Так, немецкой собственностью объявлена лирика. В рассуждении о ней сплетаются общие места из «теории литературных родов» и уже знакомого нам «дискурса

немецкости». Лирику отличает «субъективная природа» – однако под субъектом Эйхендорф понимает не отдельную личность, а «индивидуальность народа»; оказывается, что благодаря своей субъективности именно лирика «показывает особый характер всякого народа отчетливее, чем другие отрасли поэзии» [Eichendorff 1976: 579]. Казалось бы, все народы как «характеры» должны выражать себя в лирике в равной мере. Однако это не так: самый «углубленный в себя» народ именно в силу присущей лирики «субъективности» может притязать на лирику как на свою собственность: «Да, мы может назвать ее [лирику] <…> преимущественно немецким искусством, вследствие большей проникновенности (Innigkeit)…» [Eichendorff 1976: 579].

Романтическое (das Romantische) – тоже немецкая собственность. Рассуждая об этом, Эйхендорф противопоставляет конкретное происхождение (которое может быть случайным) и «сущностный» генезис. Безразлично, «откуда мы получили романтическое; оно, во всяком случае, представляет собой совершенно особый дух, отличный и от классической Античности, и от северноязыческого мировидения, который был усвоен и углублен именно в Германии и потому является по сути немецким» [Eichendorff 1976: 564]. Вместе с романтизмом – по Эйхендорфу, порожденным Средневековьем, христианским и рыцарским одновременно, – немецким достоянием оказывается и любовь, высокая и рыцарственная. «Напрасно будем мы искать в других языках выражение для нашей немецкой любви (für unsere deutsche Minne), для этой более высокой любви…» [Eichendorff 1976: 582]. Но как быть с куртуазностью романских народов, не менее, казалось бы, «высокой»? На помощь приходит простое сравнение-иерархия: в эпоху Средневековья «куртуазные дворы (Minnehöfe) цвели в Германии в меньшей степени [чем в романских странах]», «но любовь при них была серьезней и целомудренней, чем при романских куртуазных дворах» [Eichendorff 1976: 529].

2.1.4. Воплощение на практике: национальная идея в истории немецкой литературы

Представления о «народной душе» немцев, об их «национальном характере» и т.п. встраиваются в «Literaturgeschichten»:

идея немецкой нации и ее природных свойств (чаще всего универсализм), по мнению Ю. Формана [Fohrmann 1989: 116], становится основой историко-литературных трудов с конца 1820-х годов. Уничижительные суждения о немцах в духе Лессинга, писавшего, «что мы, немцы, еще и не нация» [Лессинг 1936: 368, 101–104], в контексте этого нового движения уже невозможны. Утверждается представление о национальном духе и характере как движущей силе истории поэзии. Так, Гервинус свою задачу видит в раскрытии именно национального начала – в том, чтобы «изобразить национальный характер в его развертывании» [Gervinus 1962 a: 93]. Нация для Гервинуса не только предмет исследования, но и адресат: он отмечает в начале своего труда, что пишет не для ценителей, не для определенного класса читателей, но «для нации» [Gervinus 1871: 3]. Для Гервинуса, как ранее для Гердера, именно в народе как целом сосредоточено творческое начало; но на эту мысль уже совсем не по-гердеровски наслаивается представление о немецкой особости. Гервинус, в частности, резко разводит немецкую и скандинавскую поэтические традиции. Немецкая поэзия была свободна от мифологической тематики, она «пела о простых человеческих деяниях скорее в эпической, чем в лирической манере»; но главное: если, например, в Исландии «мог существовать лишь небольшой круг одаренных и владеющих рунами мирян, которым были известны значение темных мифологических загадок, глубокомысленная символика <…> этой [т.е. древнеисландской] лирики, то в Германии, напротив, при случае пел всякий, кто чувствовал себя к этому призванным». Иначе говоря: скандинавские певцы составляли узкую касту и были далеки от народа, в Германии же поэзия принадлежала всему народу. Тут пел ремесленник, порой пел и король, «но подлинным носителем и хранителем пения был народ» [Gervinus 1871: 48–49].

Пение как функция народной души присутствует, во всяком случае, не у всех народов, но определенно имеется у немцев; на представление об этой немецкой особости накладывается и уже знакомая нам идея немецкого превосходства. Развитие новой (постантичной) поэзии представляется Гервинусу, как мы уже отмечали, возвращением к «чистому вкусу» античности – собственно, к античности греческой, «винкельмановской». В этом «великом шествии к истоку всякого чистого искусства» участвовали «все

нации Европы», но все они постепенно отстали от немцев, застряв на стадии «греко-римского или александрийского образования». Лишь немцы в этом шествии назад достигли подлинных истоков – «прекраснейшей эпохи расцвета греческого искусства и мудрости. Гёте и Шиллер вели назад (sic! – *А. М.*), к художественному идеалу, которого со времен греков никто больше не стремился достичь, никто даже не имел о нем представления». Впрочем, Гервинус не хочет сказать, что Гёте и Шиллер «подражали» античному идеалу: речь идет не о подражании, но о синтезе нового содержания и старой совершенной формы – «соединении нового в чувствах и мыслях с формой древних» [Gervinus 1871: 6].

У Эйхендорфа соединение национальной идеи с идеей немецкого превосходства доходит до логического предела – до утверждения, что «подлинной народной поэзии (Volkspoesie) в таком всеобъемлющем смысле никогда не было у других народов прошлого» [Eichendorff 1976: 548]. В качестве примеров отсутствия «народной поэзии» приводятся Италия, издавна приверженная классическим художественным формам, которые после наступления христианства уже не могли быть подлинно национальными; а также Англия, где «влияние самых гетерогенных, порой просто противоречащих друг другу народных элементов» также мешало полноценному проявлению национального начала [Eichendorff 1976: 540]. К тому же в Германии пел весь народ – здесь Эйхендорф полностью разделяет мнение Гервинуса: у немцев не было «ни друидов, ни бардов», не было «поэтических ремесленных цехов, зависимых от священников»; «поэтической школой (Dichterschule)» немцев «была жизнь, а их поэзия – радостью и душой этой жизни. Герои сами были поэтами, они действовали, как пели, и пели о том, как действовали…». В этом поэтическом раю «народной души» все были равны: «…мы видим здесь князей и вассалов одинаково причастными к радостному искусству пения…» [Eichendorff 1976: 549].

Мысль о превосходстве немецкой культурной традиции (и вместе с тем поэзии) варьируется и у других историков в многообразных формулах, нередко предвосхищающих «империалистическую семантику кайзеровской империи» [Fohrmann 1989: 124]: немецкий народ – «учитель народов (Lehrer der Völker)» [Rinne 1842: 14], он призван осуществить «миссию немецкого духа»

[Gelzer 1841: 4], ему присуща «гордость его прирожденного мирового господства (Weltherrschaft)» [Vilmar 1873: IV], Германия «благодаря Лессингу и Канту, Гёте и Шиллеру приняла духовное лидерство (geistige Führerschaft) в Европе» [Carriére 1874: V] и т.п. В то же время в самой значительной из рассматриваемых нами «Literaturgeschichte» – в труде Шерера – мифология немецкой уникальности и превосходства практически отсутствует; однако и Шерер отмечает связь истории литературы с формированием нации. «Художественные произведения, обладающие благородством содержания и чистотой формы, влияют на нации»; «Божественная комедия» Данте помогла заложить основу для «единой итальянской национальности» – для немцев ту же функцию выполнила средневерхненемецкая поэзия [Scherer 1884: 230].

В ряде работ уникальность немецкой «народной души» усматривается в ее универсализме – в своего рода «всемирной отзывчивости»[1]. Карл Фортлаге, полагающий, как и многие, что в поэзии в целом проявляется «организация народа» [Fortlage 1839: XIII], приписывает немцам способность особой восприимчивости, которая позволяет им наследовать различные поэтические традиции. Мысль об отсутствии у немцев собственного характера (звучащая у Лессинга и других просветителей) оборачивается в свою противоположность: недостаток идентичности, пустота предстает теперь «неисследимой глубиной, охватывающей все прочие нации» [Fohrmann 1989: 118]. Вольфганг Менцель пишет о немцах: «Природа наделила нас способностью понимания всего (Sinn für alles) и наш дух <....> проникает в потаеннейшие глубины всех мистерий природы, жизни, души. Нет другой нации, обладающей столь универсальным духом, как немецкая...» [Menzel 1828: 23].

Мотив универсализма идет рука об руку с мотивом углубленного проникновения в «душу собственного народа», присущего немецкой поэзии в наивысшей степени. Универсальность и самобытность взаимосвязаны: «Ни одна литературная история любой иной нации не познает так собственный народ [как немецкая литературная история], ни одна не обращает такого глубокого и верного взора в великое и богатое народное сердце <...>, потому что ни

[1] Высказывания на эту тему отчасти собрал и сопоставил с известными словами Достоевского А.В. Михайлов [Михайлов 2006: 53–54].

одна литература не столь универсальна, как наша» [Brederlow 1844: VIII]. Этот ход мысли позволяет представить череду влияний иных национальных литератур на немецкую как историю постепенного расширения немецкого духа до всеохватности, по крайней мере, общеевропейской.

2.2. Человек

Другой инстанцией, на которую ориентировалась «Literaturgeschichte», был человек в его личной характерности – будь то сам поэт или его герои. Требование воссоздавать «внутреннюю историю» литературы, которым, казалось бы, вдохновлялась «Literaturgeschichte», совсем не предполагало сосредоточения на произведениях и их имманентной поэтике – скорее наоборот: суждения о поэтике редки и явно отступают на второй план в сравнении с аналитикой личностей. Ю. Форман показал, сколь важное значение в истории Гервинуса имеет реконструкция личности писателя. Так, в разделе о Лессинге Гервинус подробно останавливается на особенностях его характера и жизненной позиции (рационализм, антитрадиционализм, склонность к духовному поиску и т.п.); его литературное творчество выводится из личности или даже трактуется как ее составляющая. «То, что Гервинус стремится развернуть, – это характер, который проявляется в поступках и находит свой результат в произведениях» [Fohrmann 1989: 61].

Вплоть до середины XIX в., когда биографические работы начинают отделяться от собственно литературной истории, биографическая составляющая остается обязательным компонентом историко-литературных исследований; при этом анализируется «характер» писателя, который «имеет связующую функцию между биографией и текстом» [Fohrmann 1989: 66]. Сохраняются традиции характеризации, заложенные в последней трети XVIII в. многочисленными сборниками биографий писателей, в которых характеристика доходила порой до мелких и курьезных деталей. Так, Карл Генрих Йорденс в разделе об Иоганне Якобе Энгеле рассказывает о цвете его волос, фигуре (в том числе о развившейся с возрастом тучности), «дурной привычке почти никогда не покидать комнату», любви ко сну и т.п. [Jördens 1812: 22]. В трудах 1830–1840-х годов тенденция к характеристике личности сохраняется,

хотя уже не впадает в физиологизм, а касается в основном духовных особенностей. Показательно умозаключение Мельхиора Мейра о Гейне: Гейне, несмотря на свою одаренность, лишен «духа истины (Geist der Wahrheit)», а потому его лирические стихотворения не складываются в «единый образ духовного становления (Durchbildung) автора», но передают лишь «индивидуальные состояния» и не содержат «какой-либо общей значимой мысли, которая могла бы сделать их интересными и для читателя» [Meyr 1838: 28–29]. «Недостаток» в личности поэта фатально сказывается на его творчестве.

Разговор об отдельных поэтах также в значительной степени сводится к характеристике их личности. Для Шерера одна из вершин средневерхненемецкой словесности – лирика Вальтера фон дер Фогельвейде. В разделе о нем Шерер определяет и некоторые его поэтические приемы: выражение «душевных процессов через телесные симптомы», сведение «общих истин» к «индивидуальному опыту», предпочтение статичному описанию «сцены и действия» [Scherer 1884: 200, 208]; однако и эти приемы оказываются в конечном итоге отражениями его личности, динамичной, полной жизни, преданной земной любви и той «Frau Welt», служение которой он оставил лишь на пороге смерти [Scherer 1884: 199]. «Лучшее, что он изобразил, – это он сам: человек, которого хочется взять в друзья, такой светлый во всем своем существе, такой добрый, такой серьезный и твердый в своей глубине при легкой, дружественной (liebenswürdig) форме…» [Scherer 1884: 209]. Характеристики человека и поэзии здесь переплетены неразрывно: эпитет «liebenswürdig» – любезный, дружественный – естественнее было бы применить к человеку, но он применен к «форме». Для Шерера сама поэтическая форма – часть человека. Как видим, восхищенный Шерер поет Вальтеру настоящий историко-литературный дифирамб: он «истинный патриот, благочестивый человек, враг папства»; бездомный странствующий шпильман, ставший «просвещенным апостолом гуманности и толерантности»; «с нравственной серьезностью проникал он в истинную меру всех вещей» [Scherer 1884: 198–199] и т.д. Вся эта смешанная, синкретическая характеристика то человека, то поэзии (а то и человека и поэзии одновременно) содержит и национальный компонент. «Живой, пластичный (anschaulich – человек или поэзия? – *А. М.*), порой

грубый, гневающийся и проклинающий, он умеет действовать посредством эпических и драматических приемов и показывает себя во всех этих чертах настоящим сыном баварской расы» [Scherer 1884: 202]. Вальтер, помимо прочего, – истинный, просто совершенный баварец. Или еще и совершенный немец?

Герман Гетнер в «Литературной истории восемнадцатого века» (1856–1870) определяет свой предмет как «историю идей и их научных и художественных форм» [Hettner 1856–1870; предисловие к 1-му тому]. Такое определение заставляет нас не ждать от Гетнера характеристики личностей – и напрасно. Высшие достижения Просвещения предстают персонифицированными: все интернациональное просветительское движение, которое Гетнер в предисловии сравнивает с грандиозной трехголосной фугой (голоса трех народов – англичан, французов и немцев – передают друг другу тему: «один народ продолжает тему, там где другой ее обрывает»), вполне телеологически идет к своей цели – к Гёте, его творчеству, но не в меньшей степени и к его личности. Гёте – «телос» Просвещения. «В Гёте осуществилось и завершилось то, что составляло внутреннее ядро и движущую силу великой просветительской борьбы XVIII столетия»; от Гёте мир узнал, «что значит быть высоким и чистым человеком». Личность Гёте обращена к современности, поскольку ставит задачу «сделать собственностью и жизненным элементом каждого ту эмансипацию свободной индивидуальности, чистой человечности, которую Гёте осуществил субъективно, в своем собственном воспитании»; «высокий идеал человечности», достигнутый в отдельной личности, теперь должен быть претворен на уровне всего общества – в «образовании и морали, в государстве и обществе» [Hettner 1872: 580]. Поскольку Гёте у Гетнера оказывается неосознанной целью, к которой стремится вся эпоха, то неудивительно, что многие герои его истории в той или иной степени трактованы как предшественники Гёте, «предвосхитившие» его мысли. Так, идея Шефтсбери о жизни как искусстве предвосхищает то, что «позднее так прекрасно и полно разработает Гёте в “Вильгельме Мейстере”: что жизнь – это искусство, что каждый должен стать художником своей собственной жизни» [Hettner 1872: 193]. Идеал гуманности и человечности, который Гёте выработал в своей личности, далее был передан всему народу, и верность этому идеалу сделала немцев

«самым образованным и духовно свободным народом мира» [Hettner 1856–1870: 4, 486]. Личность и нация трактованы, вполне по-гердеровски, как сообщающиеся сосуды; но их взаимодействие подпитывает уже знакомую нам идею немецкого превосходства, которую Гердер едва ли бы принял.

2.3. Чувства / моральные качества

Эта инстанция чрезвычайно важна для «Истории…» Шерера, который композицию произведения нередко представляет как конфигурацию чувств или моральных качеств, а эволюцию поэзии в целом – как движение (далеко не прямолинейное, но имеющее свои вершины и падения) ко всё большей утонченности и «человечности» чувств. При обсуждении героического эпоса Шерер сочувственно цитирует Людвига Уланда, разделившего его героев на две группы: «верных (Treuen)» и «неверных» [Scherer 1884: 107]. Персонажи образуют антитезу по принадлежности к определенному кругу эмоций и / или моральных ценностей – в такой антитезе Шерер нередко усматривает ключ к композиции произведения. Так, в «Песни о смерти Альбхарта» «на одной стороне великодушие, на другой – низость; там – сила и мужество, тут – трусость и слабость; за благородным побежденным следует слава, за убогим победителем – вечный позор». Базовые понятия всей «Песни…» – также моральные: это «честь и верность» [Scherer 1884: 127]. Заметим, что в этом анализе конкретные герои вообще не названы: антитетическую систему образуют именно моральные качества, а не характеры как таковые (что и позволяет нам говорить об эмоционально-моральной системе как об особой инстанции «Literaturgeschichte»). Сходным образом, как моральная антитеза, представлена основа сказания о Вольфдитрихе: «Тирания и справедливость, неверность и верность противостоят друг другу; жестокий преступный род уступает место более мягкому, лучшему, и христианство оказывается связанным с благородным умонастроением» [Scherer 1884: 130]. Антитезу – но уже не моральных качеств, а чувств – Шерер усматривает в «Песни о Нибелунгах» и «Кудруне». В обоих памятниках радость (Freude) противопоставлена горю (Leid), но проведена антитеза по-разному: «Если в “Песни о Нибелунгах” радость переходит в горе, то поэта “Кудруны”, кажется,

особенно привлекает смешение горя и радости, скрещение противоположных чувств» [Scherer 1884: 135]. Тот же прием выделения центральной моральной и / или эмоциональной антитезы Шерер использует и в анализе «придворного эпоса». Так, романы «Эрек» и «Ивейн» Гартмана фон Ауэ объединяет сходство лежащих в их основе антитез: «оба разрабатывают противоположность между героизмом и любовью, между преданностью рыцарскому долгу и радостью бездеятельного домашнего счастья» [Scherer 1884: 157].

Эволюция поэзии отражает изменения в моральном и эмоциональном мире человека – это представление, последовательно проводимое Шерером, кажется весьма актуальным в контексте нынешнего интереса к «исторической психологии эмоций». Однако Шерера, как мы уже говорили, интересует прежде всего гуманизация чувств: он отмечает, например, как в героях легенды о Нибелунгах постепенно ослабляется жестокость, а автор «Песни о Нибелунгах» наделяет «героев древности более мягкими чувствами», даже «тоской по миру», которая не могла быть известна их историческим прототипам. Даже зловещий Хаген приобретает человеческие черты [Scherer 1884: 121]. Проявления столь любимых Шерером толерантности и гуманности отмечаются постоянно: сочувствие даже к врагам-персам в «Песни об Александре» [Scherer 1884: 92]; «религиозная толерантность» в «Парцифале» и «Виллехальме» Вольфрама фон Эшенбаха [Scherer 1884: 183] и т.д. Фиксируются и мелочи, в которых проявляются иные «тонкие» чувства – например, удовольствие от природы: в разделе о «Битве при Равенне» Шерер особо отмечает, что королева Хельха вышла в сад, «чтобы насладиться прекрасными цветами» [Scherer 1884: 126].

Ближе к концу посвященной Средневековью части своей «Истории…» Шерер выделяет «основные понятия учения о добродетели (Tugendlehre)», характерные для куртуазной поэзии. Ими оказываются верность, честь, умеренность, щедрость, постоянство (Beständigkeit). Центральная категория этой системы – видимо, верность, значение которой подчеркивалось Шерером и ранее, в анализе отдельных памятников: так, в сказании о Вольфдитрихе верность подобна «звезде, чей свет направляет сказание по его пути»; «Кудруна» – «высокая песня верности» [Scherer 1884: 132] и т.д. Как быть, однако, с толерантностью и гуманностью? «Обязанности гуманности» – забота о больных, милосердие и т.п. – сосредоточены,

по мнению Шерера, в категории щедрости («Freigebigkeit» в широком смысле – готовность давать, жертвовать другим; так Шерер интерпретирует средневерхненемецкое «milde»). А категория толерантности, не менее важная для Шерера, не находит эквивалента в средневековой системе: между воззрением на куртуазную культуру извне и ее имманентной системой образуется разрыв.

Лессинг 1936 – *Лессинг Г.Э.* Гамбургская драматургия / Пер. И.П. Рассадина. М.; Л.: Academia, 1936.

Михайлов 2006 – *Михайлов А.В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры // *Михайлов А.В.* Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Шлегель 1983 a – *Шлегель Ф.* История европейской литературы // *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика / Вступ. статья, составление, перевод Ю.Н. Попова. Т. 2. М.: Искусство, 1983.

Шлегель 1983 b – *Шлегель Ф.* Разговор о поэзии // *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика / Вступ. статья, составление, перевод Ю.Н. Попова. Т. 1. М.: Искусство, 1983.

Яусс 1995 – *Яусс Х.Р.* История литературы как провокация для литературоведения / Пер. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.

Alberti 1890 – *Alberti C.* Die Zukunft der deutschen Literaturgeschichte // *Alberti C.* Natur und Kunst. Beiträge zur Untersuchung ihres gegenseitigen Verhältnisses. Lpz., 1890.

Bartels 1900 – *Bartels A.* Ein Berliner Litteraturhistoriker: Dr. Richard M. Meyer und seine «deutsche Litteratur». Lpz.; B., 1900.

Bartels 1901–1902 – *Bartels A.* Geschichte der deutschen Litteratur. 2 Bde. Lpz., 1901–1902.

Baumann 1762 – *Baumann L.A.* Kurzer Entwurf einer Historie der Gelehrsamkeit. Brandenburg; Lpz., 1762.

Beise 2016 – *Beise A.* Schmid Ch.G. // The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers. L.; Oxf. etc.: Bloomsbury, 2016.

Berlin 2013 – *Berlin I.* Three Critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder. Second Edition. Princeton; Oxf., 2013.

Bernhardy 1830 – *Bernhardy G.* Grundriss der Römischen Litteratur. Halle, 1830.

Blanckenburg 1999 – *Blanckenburg F. von.* Versuch über den Roman // Romantheorie. Texte vom Barock bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1999.

Bouterwek 1801 – *Bouterwek F.* Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des dreizehnten Jahrhunderts. 12 Bde. Bd 1. Göttingen, 1801.

Brederlow 1844 – *Brederlow Ch.G.F.* Vorlesungen über die Geschichte der deutschen Literatur. 2 Tle. Tl 1. Lpz., 1844.

Breitenbauch 1811 – *Breitenbauch G.A. von.* Geschichte und Annalen der deutschen Dichtkunst. Lpz., 1811.
Brenning 1886 – *Brenning E.* Geschichte der deutschen Literatur. Lahr, 1886.
Carriére 1874 – *Carriére M.* Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung und die Ideale der Menschheit. 5 Bde. 2 Aufl. Bd 5. Lpz., 1874.
Curtius 1941 – *Curtius E.R.* Beiträge zur Topik der mittellateinischen Literatur // Corona Quernea. Festgabe Karl Strecker zum 80. Geburtstag. Lpz., 1941.
Curtius 1972 – *Curtius E.R.* Begriff einer historischen Topik (1938–1949) // Toposforschung. Eine Dokumentation / Hrsg. von Jehn P. Frankfurt a. M., 1972.
Curtius 1973 – *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. 8 Aufl. Bern; München, 1973.
Docen 1807 – *Docen B.J.* Vorrede / Miscellaneen zur Geschichte der teutschen Literatur... Bd 2. München, 1807.
Eichendorff 1976 – *Eichendorff J. von.* Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands // *Eichendorff J. von.* Werke. In 5 Bdn. Bd 3. München, 1976.
Eichhorn 1812 – *Eichhorn J.G.* Litterärgeschichte. 2 Aufl. Göttingen, 1812.
Elster 1894 – *Elster E.* Die Aufgaben der Litteraturgeschichte. Halle, 1894.
Fohrmann 1989 – *Fohrmann J.* Das Projekt der deutschen Literaturgeschichte. Entstehung und Scheitern einer nationalen Poesiegeschichtsschreibung zwischen Humanismus und Deutschen Kaiserreich. Stuttgart, 1989.
Fortlage 1839 – *Fortlage C.* Vorlesungen über die Geschichte der Poesie, gehalten in Dresden und Berlin im Jahre 1837. Stuttgart; Tübingen, 1839.
Gelzer 1841 – *Gelzer H.* Die deutsche poetische Literatur seit Klopstock und Lessing. Lpz., 1841.
Gervinus 1835 – *Gervinus G.* Geschichte der Poetischen National-Literatur der Deutschen. 5 Bde. Bd 1. Lpz., 1835.
Gervinus 1838 – *Gervinus G.* Geschichte der Poetischen National-Literatur der Deutschen. 5 Bde. Bd 3. Lpz., 1835.
Gervinus 1842 – *Gervinus G.* Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen. 5 Bde. Bd 5. Lpz., 1842.
Gervinus 1844 – *Gervinus G.* Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen. 2 Aufl. 5 Teil. Lpz., 1844.
Gervinus 1871 – *Gervinus G.* Geschichte der deutschen Dichtung. 5 Aufl. Bd 1. Lpz., 1871.
Gervinus 1962 a – *Gervinus G.* Grundzüge der Historik // *Gervinus G.* Schriften zur Literatur. B., 1962.
Gervinus 1962 b – *Gervinus G.* Prinzipien einer deutschen Literaturgeschichtsschreibung // *Gervinus G.* Schriften zur Literatur. B., 1962.
Görres 1807 – *Görres J.* (hrsg). Die teutschen Volksbücher. Heidelberg, 1807.
Gottschall 1860 – *Gottschall R.* Die deutsche Nationalliteratur der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts. 2 vermehrte Aufl. Bd 1. Breslau, 1860.
Gottsched 1989 – *Gottsched J.Chr.* Versuch einer Critischen Dichtkunst vor die Deutschen // *Gottsched J.Chr.* Schriften zur Literatur. Stuttgart, 1989.

Grimm 1864 – *Grimm J.* Gedanken wie sich die Sagen zur Poesie und Geschichte verhalten // *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd 1. B., 1864.
Grimm 1869 – *Grimm J.* Beweis dasz der Minnesang Meistersang ist (1807) // *Grimm J.* Kleinere Schriften. Bd IV. B., 1869.
Grimm 1875 – *Grimm J.* Deutsche Mythologie. 4 Ausg. B., 1875.
Herder 1880 – *Herder J.G.* Rezension zu A.L. Schlözers «Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen» // *Herder J.G.* Sämmtliche Werke. Bd 20. B., 1880.
Herder 1885 – *Herder J.G.* Volkslieder [предисловие ко второй части] // *Herder J.G.* Sämmtliche Werke. Bd 25. B., 1885.
Hettner 1856–1870 – *Hettner H.* Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. 6 Bdn. Braunschweig, 1856–1870.
Hettner 1872 – *Hettner H.* Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert. Buch 3: Das klassische Zeitalter der deutschen Literatur. Abt. 2: Das Ideal der Humanität. 2. umgearb. Aufl. Braunschweig, 1872.
Hettner 1959 – *Hettner H.* Schillers Anthologie (1850) // *Hettner H.* Schriften zur Literatur. B., 1959.
Hillebrand 1845 – *Hillebrand J.* Die deutsche Nationalliteratur seit dem Anfange des achtzehnten Jahrhunderts, besonders seit Lessing, bis auf die Gegenwart. 3 Thle. Hamburg und Gotha, Tl 1. 1845.
Jördens 1812 – *Jördens K.H.* Denkwürdigkeiten, Charakterzüge und Anekdoten aus dem Leben der vorzüglichsten deutschen Dichter und Prosaisten. 2 Bde. Bd 1. Lpz., 1812.
Laube 1839–1840 – *Laube H.* Geschichte der deutschen Literatur. 4 Bde. Stuttgart 1839–1840.
Link 1983 – *Link J.* Die mythische Konvergenz Goethe-Schiller als diskurskonstitutives Prinzip deutscher Literaturgeschichtsschreibung im 19. Jahrhundert // Der Diskurs der Literatur- und Sprachhistorie / Hrsg. von H.U. Gumbrecht und B. Cerquiglini. Frankfurt a. M., 1983. S. 225–242.
Menzel 1828 – *Menzel W.* Die deutsche Literatur. 2 Thle. Tl 1. Stuttgart, 1828.
Meusel 1799 – *Meusel J.G.* Leitfaden zur Geschichte der Gelehrsamkeit. Lpz.: Fleischer, 1799.
Meyr 1838 – *Meyr M.* Ueber die poetischen Richtungen unserer Zeit. Erlangen, 1838.
Nasser 1798–1800 – *Nasser J.A.* Vorlesungen über die Geschichte der deutschen Poesie. Bde. 1–2. Altona und Lpz., 1798–1800.
Novalis 1965 – *Novalis.* Logologische Fragmente // *Novalis.* Schriften. Bd 2: Das philosophische Werk. 1. Stuttgart: Kohlhammer, 1965.
Prutz 1981 – *Prutz R.* Einleitung zur Geschichte des deutschen Journalismus (1845) // *Prutz R.* Zu Theorie und Geschichte der Literatur. B., 1981.
Raumer 1870 – *Raumer R. von.* Geschichte der Germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschald. München, 1870.
Rinne 1842 – *Rinne K.-F.* Innere Geschichte der Entwickelung der deutschen National-Litteratur. Lpz., 1842.
Schelle 1780 – *Schelle A.* Abriss der Universalhistorie zum Gebrauch der akademischen Vorlesungen. Theil l. Salzburg, 1780.

Scherer 1864 – *Scherer W.* Ueber den Ursprung der deutschen Literatur. Vortrag. B., 1864.
Scherer 1875 – *Scherer W.* Geschichte der Deutschen Dichtung im 11. und 12. Jahrhundert. Straßburg: Trübner, 1875.
Scherer 1877 – *Scherer W.* Goethe-Philologie // Im neuen Reich. 7, Heft 1. 1877.
Scherer 1884 – *Scherer W.* Geschichte der deutschen Litteratur. 2 Ausg. B., 1884.
Scherer 1975 – *Scherer W.H.* Hettners Litteraturgeschichte des 18 Jahrhunderts (1865) // Literaturwissenschaft und Literaturgeschichte. Ein Lesebuch zur Fachgeschichte der Germanistik. München, 1975.
Scherr 1854 – *Scherr J.* Geschichte der deutschen Literatur. 2 verbesserte Ausg. Lpz., 1854.
Schlegel 1798 – *Schlegel F.* Fragmente // Athenaeum. Ersten Bandes zweytes Stück // Athenaeum. 1798–1800. Facsimile Edition. Stuttgart, 1960. Bd 1.
Schlegel 1884 – *Schlegel A.W.* Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst. 3 Teile in 2 Bdn. T. 3. Heilbronn, 1884.
Schlegel 1958 – *Schlegel F.* Geschichte der europäischen Literatur // *Schlegel F.* Kritische Ausgabe seiner Werke. Bd 11. Paderborn; München; Wien, 1958.
Schlegel 1960 – *Schlegel F.* Vorlesungen über Universalgeschichte // *Schlegel F.* Kritische Ausgabe seiner Werke. Bd 14. Paderborn, 1960.
Schlegel 1961 – *Schlegel F.* Geschichte der alten und neuen Literatur (Wiener Vorlesungen) // *Schlegel F.* Kritische Ausgabe seiner Werke. I Abt., Bd 6. München; Paderborn; Wien, 1961.
Schmid 1781 – *Schmid Ch.H.* Anweisung der vornehmsten Bücher in allen Theilen der Dichtkunst. Lpz., 1781.
Schmidt 1853 – *Schmidt J.* Geschichte der deutschen Nationalliteratur im neunzehnten Jahrhundert. 2 Bde. Lpz., 1853.
Stolle 1718 – *Stolle G.* Anleitung zur Historie der Gelahrtheit. Halle, 1718.
Strich 1922 – *Strich F.* Deutsche Klassik und Romantik oder Vollendung und Unendlichkeit. Vergleich. München, 1922.
Szondi 1961 – *Szondi P.* Versuch über das Tragische. Frankfurt am Main, 1961.
Turner 2014 – *Turner J.* Philology. The Forgotten Origins of the Modern Humanitites. Princeton; Oxf., 2014.
Vilmar 1873 – *Vilmar A.F.* Geschichte der deutschen National-Literatur. 15 Aufl. Marburg; Lpz., 1873.
Weimar 1989 – *Weimar K.* Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. München, 1989.
Wellek 1966 – *Wellek R.* A History of Modern Criticism. 1750–1950. In 5 vol. Vol. 3. L., 1966.
Wetz 1891 – *Wetz W.* Über Litteraturgeschichte. Worms, 1891.
Żbikowska-Migoń 1994 – *Żbikowska-Migoń A.* Anfänge buchwissenschaftlicher Forschung in Europa: dargestellt am Beispiel der Buchgeschichtsschreibung des 18. Jahrhunderts / Übersetzt von A. Fleischer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1994.
Zimmermann 1846 – *Zimmermann W.* Geschichte der prosaischen und poetischen deutschen Nationalliteratur. Stuttgart, 1846.